

ТЕОРИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ДЖ. ГИБСОНА

В. М а р т и ш ю с

Хотя на протяжении 50-летнего периода научной деятельности понимание Джеймсом Гибсоном восприятия менялось, однако нетрудно проследить основное направление эволюции его воззрений: от психофизической теории восприятия к теории непосредственного восприятия, в которой экологическая трактовка восприятия представлена наиболее последовательно.

Необходимо отличать ценность вклада Дж. Гибсона и его последователей в решение методологических проблем психологии от значения выполненных ими экспериментальных работ. Если значение и влияние экспериментов на исследования восприятия не вызывают сомнений, то теоретические работы вызвали и продолжают вызывать бурные дискуссии [3, 4, 9, 10, 13, 14]. В данной статье ограничимся рассмотрением последней стадии эволюции взглядов Дж. Гибсона на восприятие, обсудим только дискуссионные методологические вопросы.

Уже в первой своей книге „Восприятие визуального мира” [5] Дж. Гибсон утверждал, что ньютоновская концепция пустого евклидова пространства неприменима в психологических исследованиях. Люди воспринимают не пустое пространство, не отдельные точки в нем, не время, а события, поверхность объектов окружающей среды. Поэтому необходимо развивать „экологическую физику”, дающую возможность описать психологически релевантные аспекты мира. Способы исследований, свойственные оптике, анатомии, физиологии, не в состоянии объяснить визуального восприятия. Хотя эти науки и характеризуют факты, однако уровень их описания не подходит для исследования восприятия.

Основные предпосылки теории непосредственного восприятия. Дж. Гибсон для объяснения визуального восприятия вводит понятие окружающего оптического распределения (ambient optic array). Слово „окружающее” обозначает соседнюю по отношению к наблюдателю окрестность. Распределение предполагает структуру. Точной характеристики структуры Дж. Гибсон не дает. Оптическое распределение не может быть однородным. Оно обязательно гетерогенное, дифференцированное, имеет какую-нибудь форму. Хотя при изменении положения наблюдателя окружающее оптическое распределение тоже меняется, однако инварианты структуры остаются общими для любых положений наблюдателя.

Примером инварианта может быть отношение горизонта, т. е. отношение части стержня над горизонтом к части стержня под горизонтом. Отношение горизонта однозначно определяет высоту предмета.

Независимо от расстояния до наблюдателя предмет покрывает одинаковое число элементов текстуры на поверхности земли. Этот инвариант определяет величину объекта по ширине и длине.

Когда наблюдатель поворачивает голову, приближается или удаляется от объекта, или когда движется сам предмет, возникает возможность обнаружения трансформационных, динамических инвариантов. Согласно мнению Дж. Гибсона, в динамических ситуациях сильно возрастает вероятность выявления информации, однозначно определяющей воспринимаемые объекты по сравнению со статическими ситуациями. Поэтому он наибольшее внимание уделял исследованиям восприятия динамических, а не статических ситуаций.

Если инварианты конкретно определены, то не возникает никаких сомнений по поводу содержательности понятия инвариант. Ответить же на вопрос, насколько тот или другой инвариант действительно выявляется наблюдателем и эффективно используется при восприятии, могут только экспериментальные исследования. Без указания на конкретный инвариант, без его определения понятие „инвариант“ теряет свою объяснительную ценность [4]. Например, суждение, что восприятие объекта — это непосредственное реагирование на инварианты, одинаково малосодержательно, как и высказывание „этот объект имеет какое-то свойство или сочетание свойства, характерное только для объектов этого вида“.

Дж. Гибсон критикует другие теории восприятия за предпосылку опосредованности, согласно которой информация, полученная во время наблюдения, сравнивается с внутренними репрезентациями. По той самой причине ученый в своей книге [8] отказывается от понятия сетчаточного образа как опосредствующего звена при возникновении перцептивного образа.

Согласно Дж. Гибсону, сетчаточный образ — своеобразная картина на экране, которая должна быть передана в мозг либо как целое, либо поэлементно [8]. По мнению ученого, в первом случае должны признать существование гомункулуса, просматривающего картинку. Во втором случае должно осуществляться поэлементное соответствие между возбужденными элементами на сетчатке и в мозге. Это означает не что иное, как соответствие интенсивности света воспринимаемой яркости, длины волны света цвету. Но каким образом мозг может справиться с задачей такой огромной сложности, как создание образа среды из элементов, выражающих различную яркость и цвет? В обоих случаях, по мнению Дж. Гибсона, необходимо сделать один и тот же вывод: традиционные теории восприятия не способны предложить содержательную парадигму исследований.

Критика Дж. Гибсона теорий, признающих роль репрезентаций в перцептивных процессах, заслуживает пристального внимания. Но чтобы ответить на вопрос о не меньшей обоснованности теории непосредствен-

ного восприятия по сравнению с критикуемыми теориями, необходимо рассмотреть ее позитивную программу в объяснении перцептивных феноменов.

Задача экологической оптики, по мнению Дж. Гибсона, выяснить, каким образом окружающее оптическое распределение, доступное наблюдателю, содержит исчерпывающую информацию о среде. Ученый утверждает, что он понимает информацию по-иному, чем она трактуется в исследованиях коммуникационных систем. „Слова и картинки переправляют информацию, переносят или передают ее, но информация в море энергии вокруг каждого из нас, световой, механической или химической энергии, не пересылается. Она просто находится там. Предположение, что информация может быть передана и предположение, что она может быть сохранена, является верным в теории коммуникации, но не в теории восприятия“, — пишет ученый [8, с. 242].

Сам Дж. Гибсон, а также некоторые другие авторы недостаточно аргументированно утверждают, что их понимание информации кардинально отличается от предложенных к данному времени других трактовок информации. Термин „информация“ в психологии чаще всего употребляется в метатеоретическом смысле, не так, как употребляется этот термин в теориях информации, связи и т. д. Последнее обстоятельство, недостаточно оцененное, становится причиной ошибочных утверждений. Возникает путаница из-за многозначности слова „информация“.

В советской философской литературе господствуют две концепции информации: атрибутивная и функциональная [2]. Сторонники первой концепции утверждают, что информация — свойство всех материальных объектов. Информация — это отрицательная энтропия. Принципиальных разногласий между этой концепцией и трактовкой Дж. Гибсона нет. Только вторая концепция, которая признает информацию, присущую только самоорганизующим системам, противоречит мнению Дж. Гибсона.

Согласно мнению ученого, перцептивные системы „резонируют“ на информацию окружающего оптического распределения. Такие традиционные психологические понятия, как „анализ“, „синтез“, „знание“, „схема“ и т. д. абсолютно неприменимы при объяснении закономерностей восприятия. Нет ни выделения отдельных признаков воспринимаемого явления, ни последующей интеграции информации. Например, ошибочно утверждать, что в условиях практической деятельности существует такая вещь, как восприятие глубины [8]. Дж. Гибсон во время войны участвовал в решении проблемы совершенствования программ обучения пилотажному умению. Оказалось, что тесты, устанавливающие способность испытуемых оценивать расстояния по признакам глубины, совершенно не подходят для прогнозирования летных способностей. Ни один из многочисленных видов тренировок, в которых испытуемые обучались оценивать расстояния по признакам глубины, не улучшили результаты практикантов в реальных условиях полета самолетов. Ученый сделал вывод, что „... в окру-

жающем распределении света есть информация для восприятия рельефа поверхностей, но там нет никаких признаков для восприятия глубины” [8, с. 148].

Восприятие объектов, явлений в реальных условиях, особенно в такой неблагоприятной для восприятия обстановке, как пилотирование самолета, может сильно отличаться от восприятия в лабораторных условиях. Надо только одобрить стремление Дж. Гибсона, как и многих других психологов, исследовать восприятие во время реальной практической деятельности. Однако отделение непроницаемой стеной восприятий в естественных и лабораторных условиях вряд ли правильно. До сих пор основная цель выполненных и выполняемых экспериментов — анализ перцептивных процессов. Число варьируемых переменных во время эксперимента редко превышает трех. Нередко экспериментаторы ограничиваются одной-двумя независимыми переменными. В реальных условиях, когда нет контроля над переменными, перцепт — это результат взаимодействия многих факторов. Каким образом в перцептивном процессе различные аспекты информации интегрируются в одно целое, неизвестно. Неудивительно, что основываясь только на результатах анализа, при наличии многих действующих независимых факторов, редко можно давать правильные прогнозы о результатах восприятия в естественных условиях деятельности. Но вывод, что данные исследования показывают не только ограниченность теории (на основе которой были выполнены эксперименты), но и ее полную ошибочность, явно слишком категоричен.

Дж. Гибсон критикует методики исследования восприятия за игнорирование экологической значимости результатов. Организму необходимо воспринять те аспекты среды, которые для него важны. То, что среда может предоставить, предложить организму, Дж. Гибсон назвал неологизмом „affordance”, переведем его „предоставление”, так как слово „afford” переводится „предоставлять”. Предоставление той же самой среды для разных животных неодинаковое. Вода предоставляет надежную опору водомерке, но не человеку, скала предоставляет возможность подняться на нее горному козлу, но не волку и т. д. Воспринимая окружающее оптическое распределение, животные приобретают информацию, определяющую предоставление ему обитаемой ниши. „Предоставление это ни объективное, ни субъективное свойство... Оно в равной мере факт как среды, так и поведения”, — пишет автор [8, с. 129]. Предоставление не меняется при изменении потребностей субъекта. Но от его потребностей во время наблюдения зависит, обратит ли он внимание на предоставление. Однако в любом случае предоставление остается таким же.

Эта характеристика предоставления является противоречивой. А. Бен-Зив указывает [3], что утверждение „предоставление всегда там же” исключает из определения „предоставления” активность животного, что противоречит утверждению о зависимости предоставления от поведения, потребностей. Кроме того, если предоставление всегда является тем же и не зависит от потребностей, то объекты предлагают

большое число предоставлений. Понятие теряет свою описательную ценность. Если традиционная проблема психологии – генезис значения из множества бессмысленных данных, то перед теорией непосредственного восприятия возникает проблема выбора значения из большого, может быть бесконечного, множества значений. Трудно понять, каким образом выбор конкретного значения, конкретного предоставления может быть реализован без когнитивной деятельности, возможен без внутренних репрезентаций. Если когнитивная деятельность необходима, то первичная предпосылка теории, что восприятие не зависит от внутренних психических актов, не подтверждается.

Восприятие, как утверждает Дж. Гибсон, есть результат активной деятельности пяти перцептивных систем: ориентационной, гаптической, вкуса—обоняния, слуховой и визуальной, а не результат рецепторной стимуляции и последующей передачи афферентными нервами возбуждения в мозг. Ученый только перечислил органы, принадлежащие к перцептивным системам, однако обобщающего критерия, идентифицирующего компоненты перцептивных систем, не предложил. Компонентами перцептивной системы зрения являются не только хрусталик, зрачок, сетчатка, но и оба глаза в подвижной голове и голова в подвижном теле. Возможности зрительного опознания зависят не только от способности сетчатки к различению, но и от способности к различению самой перцептивной системы.

В своих статьях и книгах Дж. Гибсон многократно подчеркивает активность перцептивных систем. Только подвижные, обследующие среду животные приобретают жизненно важную для них информацию. Активность перцептивной системы никоим образом не является обусловленной когнитивными факторами, так как вся необходимая для поддержания жизнедеятельности информация содержится в распределении света. Это часто декларируемое Дж. Гибсоном положение вызывает немало сомнений [3]. Активное поведение при добывании информации не является случайным, бесцельным движением животного или его органов. Трудно поверить, что поиски информации и ее селекция происходят без контроля центральных механизмов нервной системы и влияния внутренних репрезентаций. Не является ли акцентируемая Дж. Гибсоном активность при поисках информации, перцептивных систем примером когнитивной активности.

Дж. Гибсон отрицает роль памяти в восприятии. Теории непосредственного восприятия „... нет необходимости признать, как основной постулат, влияния, посредством памяти, опыта прошлого на опыт настоящего. Необходимо объяснить научение, т. е. улучшение восприятия из-за упражнений и воспитания внимания, однако не обращаясь к уловке прошлого опыта или к памяти” [8, с. 254]. Далее он утверждает, что образ прошлого, если он вообще чувствуется, может быть только случайным симптомом измененного состояния. Автор поясняет, что это означает не отрицание памяти, воображения, но только их роль в восприятии.

Роль памяти в перцептивных процессах отрицается по той самой, уже

неоднократно упомянутой, причине: восприятие независимо от любой когнитивной деятельности. Он признает, что опыт помогает лучше и детальнее выделить разные аспекты среды. Приобретение информации улучшается из-за изменений в структуре перцептивных систем. По мнению ученого, при объяснении восприятия предположения о сохранении и воспроизведении информации не нужны. Его последователи С. Уилкоккс и С. Катц [19] характеризуют память как восприятие последовательной структуры, примером которой может быть музыкальная мелодия [14]. Ошибки памяти возникают, когда в процессе приобретения информации сама последовательная структура и ее компоненты меняются. Авторы утверждают, что ошибка памяти не что иное, как восприятие элемента в последовательной структуре, которая изменилась вместе с ростом знаний субъекта о мире. При изменении структуры меняется и сам элемент. Подобно тому как меняется симультанный контраст при перемене условий наблюдения, так меняется и память при изменении последовательной структуры.

Сравнение ошибок памяти со симультанным контрастом яркости является необоснованным. Восприятие яркости фигуры действительно зависит от контекста. Однако совершенно непонятно, каким образом истинный факт памяти может трансформироваться в ложный факт памяти в зависимости от более детального познания развертывающейся среды, а не от изменений внутренних репрезентаций. Например, как может факт памяти „Наполеон Бонапарт родился в 1769 году“ из-за изменения последовательной структуры трансформироваться в ошибочный факт памяти „Наполеон Бонапарт родился в 1759 году“? Усилия С. Уилкоккса и С. Катца подтвердить мнение английского философа XVIII в. Томаса Рида, что ламять непосредственно осознает прошлое, безуспешны. Никаких аргументов, подтверждающих эту точку зрения, за исключением необоснованных аналогий, они не предложили. Отказавшись признать реальность внутренних репрезентаций, они не смогли предложить позитивной трактовки памяти, способной выдержать сравнение с традиционным подходом к памяти.

Дж. Гибсон и его сторонники полагают [8, 10], что эволюционная точка зрения на изучаемые явления в психологии подтверждает теорию непосредственного восприятия. По их мнению, непосредственное восприятие более эффективно опосредованного, обусловленного „схемами“, „фреймами“, „перцептивными гипотезами“ и т. д. Животному, обладающему перцептивными системами, непосредственно выявляющими информацию о среде, не нужны промежуточные, обуславливающие восприятие, звенья.

Однако способность людей адекватно воспринимать среду в неблагоприятных, даже, как показывают эксперименты, в непривычных, не встречаемых в каждодневной практике условиях, когда активность перцептивных систем специально ограничивается, противоречит этой аргументации.

Информация контекста позволяет наблюдателю заранее прогнозировать вероятность появления тех или других объектов в определенной

точке пространства и времени. Уже по одной этой причине игнорирование контекста представляется странным с эволюционной точки зрения. В том случае, если бы в экологической нише господствовал хаос, надо было бы отдать предпочтение теории непосредственного восприятия.

Экспериментальные исследования и теория непосредственного восприятия. Обсудим возможность теории непосредственного восприятия при объяснении экспериментальных результатов, которые успешно объясняют традиционные теории, признающие роль внутренних репрезентаций в перцептивных процессах.

Обсудим подробнее условия появления оптомоторного, или оптокинетического рефлекса. Если животное поместить в центр вращающегося полосатого цилиндра, то в зависимости от вида животного оно либо само вращается в том же направлении, что и цилиндр, либо его глаза медленно поворачиваются по направлению вращения цилиндра настолько, насколько могут, а после этого быстро возвращаются в прежнее положение, и процесс снова повторяется. Муха принадлежит к категории тех животных, которые вращаются всем телом в том же направлении, что и цилиндр. Но если муха начинает поворачиваться спонтанно или если она поворачивается по направлению к источнику запаха, то, при условии неподвижности цилиндра, оптомоторный рефлекс у нее не возникает [9, 11]. Визуальная афферентация, когда муха неподвижна, а цилиндр, скажем, вращается по направлению часовой стрелки, такая же, как и при неподвижном цилиндре и вращении мухи против часовой стрелки. Возникает вопрос, почему во втором случае не возникает оптомоторный рефлекс? Может быть свободное движение блокирует оптомоторный рефлекс? Исследования показывают, что это не так. Если хирургическим способом поворачивать голову мухи на 180° и ее поместить в центр полосатого вращающегося или неподвижного цилиндра, то оптокинетический рефлекс возникает в обоих случаях. При вращении цилиндра муха вращается в противоположном направлении. Такое поведение можно было и ожидать. Когда голова поворачивается на 180° , порядок визуальных сигналов меняется на обратный. То, что оптокинетический рефлекс возникает и во втором случае, при неподвижном цилиндре, показывает, что свободное движение не может блокировать рефлекс.

Сторонники традиционной парадигмы объясняют результаты этих экспериментов не совсем одинаково [9]. Но все они признают, что мозг получает информацию о движении самого тела или его частей независимо от афферентной информации. Пользуясь терминологией Е. фон Хольста можно утверждать, что эксafferентные и реafferентные сигналы сравниваются, передаваемая ими информация интегрируется. Спонтанно движущаяся неоперированная муха, помещенная в центр неподвижного полосатого цилиндра, потому воспринимает его неподвижным, что мозг мухи получает информацию о ее движении путем, независимым от афферентной информации. Иначе говоря, оптомоторный рефлекс подавляется только благодаря сравнению эксafferентной и реafferентной стимуляции. Когда ее глаза повернуты на 180° , изменяется эксaffer-

рентная информация, ведь меняется порядок визуальных сигналов, но реафферентная информация остается такой же. Неподвижный цилиндр муха воспринимает вращающимся, возникает оптомоторный рефлекс.

Согласно теории Дж. Гибсона, информации окружающего оптического распределения достаточно, чтобы воспринять движение цилиндра. Сравнение сигналов в нервной системе излишнее предположение. Оно и невозможно. Ведь если восприятие не зависит от внутренних репрезентаций, то не может быть любых процессов сравнения и интеграции. Так как эксперименты показали изменение восприятия при неизменных внешних условиях стимуляции, то теория непосредственного восприятия противоречит фактам.

Приведем еще несколько примеров, показывающих изменение восприятия в зависимости от состояний организма, но при постоянной внешней стимуляции. Если закрыть один глаз и рукой осторожно двигать другой глаз, то кажется, что мир движется в направлении, противоположном движимому глазу. Если произвольно двигать глазом, то эффекта вращения мира нет. Перцептивная система различить эти случаи на основе проприоцептивных сигналов не может, так как они одинаковы в обоих случаях. Таким образом, опять выявляется противоречие фактов теории непосредственного восприятия.

Г. Иохансон предъявлял испытуемым на экране осциллоскопа прямоугольник, меняя его форму [12]. Когда скорость изменения вертикальных и горизонтальных сторон прямоугольника неодинакова, т. е. когда пара вертикальных сторон увеличивалась или уменьшалась быстрее пары горизонтальных, тогда испытуемые видели движение объекта „вперед—назад“. Кроме того, одним испытуемым казалось, что прямоугольник меняет форму, другим — что поворачивается, третьим — что сгибается. Г. Иохансон выполнил несколько экспериментов, варьируя трансформации прямоугольника. При некоторых трансформациях было замечено, что во время эксперимента восприятие одного и того же испытуемого меняется. Перед теорией непосредственного восприятия возникают те же самые проблемы: почему, если восприятие обусловлено только информацией оптического распределения, меняется восприятие испытуемого, почему восприятие различных испытуемых неодинаково?

Дж. Гибсон неоднократно отмечал [8], что его цель — изучать восприятие в естественных условиях. Как объекты, так и условия восприятия в экспериментальной и естественной обстановках очень различаются. Может быть, критика теории на основе результатов экспериментальных исследований является необоснованной? Приведем несколько соображений по этому вопросу.

Игнорирование фактов, не подтверждающих теорию, — порочная практика. Если последовательно придерживаться этого принципа, т. е. если трактовать все факты, не подтверждающие теорию как несущественные, теряется важнейший критерий проверки правильности теорий — практика.

Дж. Гибсон ограничивается вопросом [7], однозначно ли информация окружающего оптического распределения характеризует воспринимаемую среду. Необходимо отметить, что информация оптического распределения и прямое ее схватывание не одно и то же. Даже в том случае, когда информации достаточно для однозначной спецификации объектов, можно только утверждать, что непосредственное восприятие возможно. Однако возможность факта никоим образом не является доказательством осуществления этого факта.

Как замечает Ш. Ульман [13], если объекты меняются без ограничений, информация оптического распределения не может однозначно характеризовать среду. Но при реальных изменениях, встречаемых на практике, световое распределение часто исчерпывающе характеризует воспринимаемые объекты. Нетрудно привести примеры, иллюстрирующие принципиальные трудности теории непосредственного восприятия при объяснении восприятия в условиях каждодневной деятельности. И. Рок, комментируя статью Ш. Ульмана, отметил, что при наблюдении сцены издалека доступная информация бывает такой же, как и при восприятии картин. Из-за большого расстояния ни биноклярное зрение, ни движение наблюдателя не помогают приобрести информацию. Каким образом в этом случае разделяются фигура и фон в перцептивном поле? Наблюдатель, например, может руководствоваться таким признаком удаленности, как перекрытие. Но так или подобно этому Дж. Гибсон объяснять восприятие не может. Он отрицает теорию зрительных признаков. Прибегнуть к таким видам объяснения, которые основываются на знаниях, опыте индивидов, теория непосредственного восприятия тоже не может.

Серьезная теория восприятия должна объяснить иллюзии. Некоторое время Дж. Гибсон игнорировал [1] случаи иллюзионного восприятия, утверждая, что иллюзии, галлюцинации не являются исключительно функцией стимуляции, и поэтому их объяснение не входит в сферу явлений, изучаемых теорией восприятия. В последних своих книгах [6, 8] ученый немало места отвел анализу иллюзий. Отрицание роли когнитивных факторов в перцептивных процессах очень сужает круг искомых причин иллюзорного восприятия. Причинами иллюзий, по мнению Гибсона, могут быть неадекватность информации и недостатки перцептивных процессов.

И тогда, когда испытуемый, только что надевший призматические очки, видит объекты измененными, и тогда, когда через некоторое время происходит адаптация, информация в прошедшем через очки пучке света остается той же. Когда она адекватная и когда нет? В первом, втором или в обоих случаях? Наверно, нет смысла сомневаться в адекватности информации, когда наблюдатель адаптировался к изменению данных стимуляции. Но если информация в прошедшем через очки пучке света не меняется, то она с самого начала была достаточно для формирования адекватного перцепта. Если и можно говорить о неадекватности информации, то только в относительном смысле, по отношению к внутренним репрезентациям.

Вряд ли причинами иллюзий могут быть слишком малая или слишком большая интенсивность, влияние послеобразов, селективность внимания или другие упоминаемые Дж. Гибсоном несовершенства перцептивных процессов в приобретении информации. Если не признавать роли внутренних репрезентаций в восприятии, то можно попытаться объяснить недостатки перцептивных процессов, сделав предположение о несовершенстве физиологических процессов выявления информации. Но сразу возникает вопрос, какие физиологические процессы являются несовершенными? Как установить это несовершенство, оставаясь в рамках парадигмы Дж. Гибсона. Если нет интеграции стимуляции с информацией внутренних репрезентаций, если нет сравнения паттерна возбуждения с энграммами, то следует вывод, что каждый физиологический процесс, сохраняющий специфичность, одинаково совершенен.

Теории, акцентирующие роль внутренних репрезентаций в перцептивных процессах, имеют пока фрагментарный характер. Они не могут объяснить многие факты, полученные в специальных лабораторных условиях, не говоря уже о раскрытии причин перцептивных феноменов, когда число независимых переменных специально не ограничивается. Несмотря на все недостатки этого подхода, было бы ошибкой делать вывод, что все предположения подобных теорий ошибочны. Нам кажется, что проведенный анализ теорий непосредственного восприятия дает основание утверждать, что необходимо признать реальностью существование внутренних репрезентаций и их роль в перцептивных процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гибсон Дж. Восприятие как функция стимуляции. — В кн.: Хрестоматия по ощущению и восприятию/Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. М.: Изд-во МГУ, 1975, с. 152–171.
2. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. — М.: Высшая школа, 1980.
3. Van-Zeev A. J. J. Gibson and the ecological approach to perception. — *Studies in History and Philosophy of Science*, 1981, vol. 12, p. 107–133.
4. Fodor J. A., Pylyshn Z. W. How direct is visual perception? Some reflections on Gibson's "Ecological approach". — *Cognition*, 1981, vol. 9, p. 139–196.
5. Gibson J. J. The perception of the visual world. — B.: Houghton Mifflin, 1950.
6. Gibson J. J. The senses considered as perceptual systems. — B.: Houghton Mifflin, 1966.
7. Gibson J. J. Direct visual perception: a reply to Gyr. — *Psychol. Bull.*, 1973, vol. 79, p. 396–397.
8. Gibson J. J. The ecological approach to visual perception. — B.: Houghton Mifflin, 1979.
9. Gyr J. W. Is theory of direct visual perception adequate? — *Psychol. Bull.*, 1972, vol. 77, p. 246–261.
10. Glotzbach Ph. A., Heft H. Ecological and phenomenological contribution to the psychology of perception. — *Nous*, 1982, vol. 12, p. 108–122.
11. Holst E. von. Relation between the central nervous system and the peripheral organs. — *Br. J. Animal Behav.*, 1954, vol. 2, p. 89–94.
12. Johansson G. Perception of motion and changing form. — *Scand. J. Psychol.*, 1964, vol. 5, p. 181–208.
13. Ullman S. Against direct perception. — *Behav. Brain Sci.*, 1980, vol. 3, p. 373–415.

14. **Wilcox S., Katz S. A** direct realistic alternative to the traditional conception of memory. — Behaviorisms, 1981, vol. 9, p. 227–239.

Вильнюсский государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра психологии

Получено
15.11.1983

DŽ. GIBSONO TIESIOGINIO SUVOKIMO TEORIJA

V. Martišius

Reziumė

Pagrindinis šio straipsnio tikslas — įvertinti Dž. Gibsono indėlį į vizualinio suvokimo teoriją. Konstatuojama, jog kai kurios ekologinio suvokimo traktavimo sąvokos bei principai yra priešaringi ir mažai turiningi. Tiesioginio suvokimo teorija negali paaiškinti daugelio svarbių eksperimentinių faktų. Dėl šių trūkumų Dž. Gibsono tiesioginio suvokimo teorija nėra reikšminga alternatyva suvokimo teorijoms, pabrėžiančioms vidinių reprezentacijų reikšmę percepciniams procesams.

J. GIBSON'S THEORY OF DIRECT PERCEPTION

V. Martišius

Summary

The principal aim of the present paper is to evaluate J. Gibson's contribution to the comprehension of visual perception. It is concluded that some definitions or the concepts and principles of the ecological approach are self-contradictory and unessential. The theory of direct perception doesn't allow many important experimental findings to be explained. It is because of the limitations in J. Gibson's theory that the latter can't be considered a significant alternative to the theories in which emphasis is placed on the importance of internal representation for perceptual processes.